

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 14-го марта 1904 года.

Страна восходящего солнца.

События шестидесятих годов прошлого столетия не на всех пунктах повернули Японию от старого къ новому, от давно извѣднаго — къ неизвѣстному. Въ одномъ случаѣ она, наоборотъ, отбросила сравнительно новое приобрѣтеніе и возвратилась къ старому. Мы говоримъ о религии.

Въ далекия времена—времена мною и устныхъ преданій—въ Японіи процвѣтала культъ Синто. Это была мало разработанная и не приведенная въ строгій порядокъ религиозная система, такая-же первобытная по своей философіи, какъ и тѣ люди, которые ее исповѣдывали. Проще всего ее можно опредѣлить, какъ культъ предковъ, обоготворенныхъ и являющихся патронами своихъ здравствующихъ продолжателей рода. Этотъ культъ мы можемъ прослѣдить у весьма многихъ народовъ, на извѣстной—достаточно низкой—степени культурнаго развитія.

Его верховнымъ представителемъ, его посвященникомъ былъ микадо. И сіюгуны, отстраняя микадо отъ участія въ свѣтскихъ дѣлахъ правленія, находили выгоднымъ оставлять за нимъ это религиозное преимущество. И когда микадо сбѣгался, наконецъ, земнымъ богомъ—сіюгуны ничего отъ этого не потеряли.

Микадо былъ святъ и ни одинъ простой смертный не дерзалъ увидѣть его божественное лицо. Сіюгуны не считались святыми, но тѣмъ крѣпче держали они въ своихъ рукахъ земную, существенную власть.

Въ VII вѣкѣ нашей эры въ Японію проникъ изъ Китая буддизмъ. Онъ пришелъ туда вместе съ китайскою письменностью, китайскою наукою, китайскимъ просвѣщеніемъ и всеобщимъ философій Конфуція. Эта новая религія пришла не по плечу широкимъ массамъ народа, которая были вполне довольны своимъ старымъ, туманнымъ культомъ Синто, но буддизмъ завоевалъ себѣ много поклонниковъ среди высшихъ, болѣе образованныхъ слоевъ. Его сторонниками сбѣгались и сіюгуны.

Мирное, гуманное ученіе Сакса-Муни не вызвало столкновений кровавой распри. Обѣ религіи довольно мирно уживались одна съ другою и синтоизмъ воспользовался даже нѣкоторыми частями вѣншихъ формъ хорошо разработаннаго буддйскаго культа. И синтоизмъ не считалъ особеннымъ грѣхомъ обратиться за молитвою къ буддйскому священнику.

Громадно было значеніе буддизма, какъ проводника, переносившаго въ Японію литературу и правовые взгляды соседней страны Китая. Буддйскіе монахи привезли съ собою богатые библиотеки, состоявшія изъ китайскихъ классиковъ, воплотившихъ въ себѣ всю древнюю народную мудрость. Вліяніе живой проповѣди и толстыхъ фолиантовъ не замедлило сказаться, а въ XV вѣкѣ достигло апогея своего развитія.

Это вліяніе сказалось, между прочимъ, на положеніи женщины—и совсѣмъ не въ выгодную для послѣдней сторону. Старый Конфуцій говорить, что женщины не имѣютъ мѣста ни въ одномъ изъ трехъ мировъ: ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ,—а такое ученіе вовсе не походило на эмансипацію.

Култъ Синто былъ на этотъ счетъ гораздо снисходительнѣе. Онъ снисзоль даже до того, что призналъ великою святою полудесятилетнюю императрицу Джингу-Кого, успѣшно расширявшую предѣлы имперіи и совершившую, между прочимъ, удачный походъ на Корею.

Китайское вліяніе свело женщину на положеніе безотвѣтной самки, и приходится сознаться, что современная Японія далеко еще не успѣла избавиться отъ этого стараго предрасудка.

Отливъ все у японской женщины, китайское вліяніе дало много сильной половинѣ человѣческаго рода. И до самаго недавняго времени

японское просвѣщеніе черпало все изъ того же китайскаго источника.

Если Японія неокитаилась, мало по малу, совершенно, то притягиваетъ къ этому послужила только удивительная способность японцевъ сохранять свою самобытность даже при самыхъ не благоприятныхъ условіяхъ. Эта способность особенно ярко вырисовалась въ послѣднюю эпоху реформъ.

Немаловажную роль сыграла въ исторіи Японіи еще и третья, позже всѣхъ проникшая религія—христианство.

Принесенная католическими миссіонерами, она нашла благоприятную почву и распространилась довольно быстро. Но по самому своему существу она должна была встать въ непримиренныя

Пагода въ Токио.

отношенія къ мѣстнымъ языческимъ вѣрованіямъ, а это внесло новый расколъ въ безъ того уже не особенно мирно настроенную феодальную среду.

Цѣлыя княжества, съ даймьосами во главѣ, исповѣдывали христианство. И когда эти даймьосы боролись съ сіюгунами не только за свои права, но и за вѣру, то такой порядокъ вещей властолюбивымъ сіюгунамъ совсѣмъ не могъ нравиться.

Нѣсколько даймьосовъ отравили къ пагѣ посольство, съ выраженіемъ не только преданности, но и покорности. Это обстоятельство могло-бы сыграть громадную роль въ исторіи развитія папской власти, но папа въ это время былъ занятъ другимъ и его далекая азиатская паства осталась безъ поддержки.

И язычество побѣдило. Недалеко отъ входа въ Нагасакскую бухту стоитъ среди моря небольшой, скалистый островъ, извѣстный у европейцевъ подъ названіемъ Паппенберга. Этотъ островъ хранитъ одно мрачное воспоминаніе: съ него было сброшено въ море болѣе семнадцати тысячъ туземцевъ-христіанъ.

Католицизмъ былъ подавленъ цѣною многихъ десятковъ тысячъ жизней и христианство, изчезнувшее въ Японіи съ конца XVII столѣтія, возродилось вновь только въ самое послѣднее время, и далеко уже не съ прежнею силой.

Микадо, возстановившій свою свѣтскую власть, императорскимъ эдиктомъ возстановилъ и культъ Синто, какъ государственную религію. На буддизмъ, какъ на религію оппозиціи, начали смо-

трѣть косо. Большинство монастырей было закрыто, ихъ богатства конфискованы, нѣкоторые великолѣпные храмы разрушены, а колокола перелиты... на пушки. Тѣмъ, не менѣе, буддизмъ не имѣетъ тенденціи къ исчезновенію и число его приверженцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже нѣсколько возрастаетъ...

Частные дома японцевъ представляютъ очень мало пики для развитія таланта архитекторовъ, но этотъ талантъ имѣлъ возможность сказаться при постройкѣ храмовъ.

Храмы, по большей части, низки и не монументальны на видъ, но поражаютъ тщательностью и богатствомъ своей вѣншей и внутренней отдѣлки.

Самые замѣчательные храмы находятся въ Киото—въ этой Москвѣ японцевъ, а также въ Никко, гдѣ погребенъ могуществѣннѣйшій изъ сіюгуновъ—Иеси. Его гробница и окружающіе ее храмы представляютъ собою лучшіе памятники стараго искусства. Японцы сознаютъ это и тщательно ихъ охраняютъ.

Громадна, разумѣется, и стоимость этихъ памятниковъ, если перевести ее на злобную монету.

Ворота и внутренняя поверхность стѣнъ, силою покрыты драгоценною живописью и скульптурой, надъ которыми трудились лучшие художники. И европейцы толпами посѣщаютъ эти храмы, какъ музеи, ярко отражающіе мнущіе времена.

Рисунки, приведенные на этихъ страницахъ, въ нѣкоторой степени ознакомляютъ читателей съ своеобразнымъ характеромъ японскаго творчества. Теперь это творчество начинаетъ погибать такъ же, какъ и старая литература и евангеліе въ состояніи будутъ поддерживать занимающія этимъ лиги консерваторы.

Буддизмъ оставилъ отъ эпохи своего расцвѣта нѣсколько колоссальныхъ статуй, изъ которыхъ самая замѣчательная—Дав-Будда въ Каманурѣ.

Среди рисовыхъ полей и чайныхъ плантацій разбросано, какъ и въ Китаѣ, множество крошечныхъ часовенъ. Это—алтари покровителей земледѣлія, передъ которыми набожные крестьяне молятся о вѣспосланчѣ урожаю.

При японскомъ способѣ обработки, полевая работа занимаетъ значительно болѣе времени, чѣмъ у насъ. Поля похожи скорѣе на огородныя гряды, отдѣланныя съ педантичной аккуратностью и тщательно прополотыя.

Особенно много хлопотъ доставляетъ самое распространенное хлѣбное растение,—рисъ. Для посѣва поля затопляются водой, эти затопленные поля удобряются, а затѣмъ уже идетъ посадка, для чего употребляются не сѣмяна, а уже нѣсколько подростающая расада.

Мужчины идутъ впереди и съ помощью падошъ продвигаются въ рыхлой почвѣ правильные ряды углублений, а женщины укрѣпляютъ въ каждомъ изъ нихъ по нѣжному росточку.

Ростетъ рисъ тоже въ водѣ, и поля осушаются только ко времени жатвы.

Оригиналенъ способъ уборки. Японцы совершенно не употребляютъ серповъ, а стригутъ колосья ножицами, точно цѣфты на клумбахъ. Благодаря этому колосья, даже перезрѣлые, почти не осыпаются. Конечно, такая исключительная аккуратность возможна лишь при крайней мизерности японскихъ надѣловъ. Остающаяся послѣ уборки хлѣба высокая солома выдерживается съ корнями и идетъ на кормъ скоту, а самые колосья рассыпаются на пшювахъ и, послѣ просушки, разминаются руками для отдѣленія зеренъ. Очищенные зерна просушиваются вторично.

Кромѣ риса, пшеницы и ячменя слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ культурномъ растеніи—о чаѣ.

Его вѣвъ въ Японію въ 805 году нашей эры буддйскій монахъ Денчю Дайси и оказалъ этимъ для страны Восходящаго Солнца лишь немного

меньшую услугу, чѣмъ Фрэнсисъ Дрэкъ, открывшій картофель—для Европы.

Сначала воздѣлываніе чая подвигалось туго, пока, въ XII вѣкѣ, не явился за дѣло другой буддѣйскій монахъ, благодаря которому городъ Уджи сдѣлался центромъ чайныхъ плантацій. Онъ сохранилъ это положеніе и до сихъ поръ.

Японцы выдѣлываютъ исключительно зеленые сорта чая. Ко вкусу русскихъ потребителей эти сорта не подходятъ, и весь экспортъ направляется почти исключительно въ Америку, достигая довольно крупной цифры 80 миллионъ фунтовъ ежегодно.

Сборъ производится въ апрѣлѣ, маѣ и началѣ юніа. Наиблгчайшій сортъ, какъ и въ Китаѣ,—первоборный.

За послѣднее время земледѣліе сдѣлало большіе успѣхи, хотя площадь обрабатываемыхъ полей почти не увеличилась. Гессе-Вартенъ приводитъ слѣдующія интересныя цифры, по даннымъ послѣднихъ 15 лѣтъ: площадь рисовыхъ полей увеличилась на 8½ проц., а производительность повысилась на 25½ проц.; площадь хлѣбныхъ полей увеличилась на 20%, а производительность—на 58%; производительность же чайныхъ плантацій возросла на довольно круглую сумму въ 240%.

Присоединеніе Формозы дало Японіи еще два новыхъ продукта: сахаръ и камфору. Въ настоящее время импортъ иностраннаго сахара уже почти прекратился.

Изъ минеральныхъ богатствъ страны наибольшаго вниманія заслуживаетъ уголь, этотъ великій двигатель современной обрабатывающей промышленности. Особенно высонихъ сортовъ угля нѣтъ, но и существующіе вполне удовлетворяютъ обыденной надобности. Шире всѣхъ остальныхъ разрабатываются копи на островѣ Кіу-Сіу. За десятилѣтіе 1886—1897 годовъ добыча угля возросла въ три раза.

Сравнительно новую отрасль добывающей промышленности представляютъ желѣзные рудники, такъ какъ до 1894 года Японія поль-

менное положеніе японской промышленности и, удовлетвовавшись выше приведенными примѣрами, изложимъ остальное въ общихъ чертахъ.

Европейскія промышленныя націи обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, когда предполагали найти въ Японіи вѣншиній рынокъ, обильно поглощающій ихъ фабрикатъ. Правда, первое время послѣ революціи дѣло шло хорошо и обновляющаяся нація жадно потребляла сдѣланныя для нея необходимыя предметы; но одно изъ первыхъ мѣстъ въ перечнѣ импорта занимали машины, а это обстоятельство современнѣе измѣнило самымъ кореннымъ образомъ положеніе вещей. Японцы захотѣли не только потреблять, но и производить самостоятельно то, что они потребляли. Конечно, на это требовалось время. Не было опытныхъ и умѣлыхъ работниковъ, не хватало сырыхъ матеріаловъ, которые можно было бы подвергнуть обработкѣ на привезенныхъ изъ Европы станкахъ и машинахъ.

Сборъ чая.

дѣлаются исключительно мужчинами. Сыны Восходящаго Солнца говорятъ, что у ихъ женъ очень дурной вкусъ и, поэтому, онѣ не годятся для такого рода работы.

Совершенно своеобразную отрасль промышленности представляетъ производство разнообразнѣйшихъ предметовъ, предназначенныхъ исключительно для европейскаго потребленія и носящихъ по англійски одинъ общій терминъ „japanese curios“. Это все тѣ ширмы, экраны, складные вѣера, картины на деревѣ, бумагѣ и матеріи, занавѣси, шкатулочки, этажерочки, мушкетки, трости и все вообще собраніе „японскихъ рѣдкостей“, за которыми мы платимъ такія солидныя суммы.

Значительное большинство этихъ вещей съемъ не употребляется въ домашнемъ быту японцевъ и является продуктомъ способности этого народа примѣняться къ спросу. Все это на мѣстѣ стоитъ очень дешево, сработано на живую нитку, мало драгично, но притягиваетъ покупателей замѣчательнымъ изиществомъ исполненія.

Дѣйствительныхъ „рѣдкостей“—шедевровъ стараго искусства—японцы продавать на сторону не любятъ и дѣлать ихъ очень дорого. Большинство такъ называемыхъ старинныхъ вещей, продающихся сравнительно недорого—ничто иное, какъ ловкая поддѣлка.

Врожденное качество—изящный вкусъ—ежегодно доставляетъ Японіи миллионы. Но кто имѣетъ японскій альбомъ, украшенный инкрустациями, и обращается съ нимъ не особенно бережно—тотъ, наѣрное, не скажетъ ничего хорошаго о прочности этихъ своеобразныхъ издѣлій.

Чтобы быть дѣйствительно промышленной страной, не достаточно только производить, нужно еще имѣть возможность удобно, дешево и скоро перевезти свои товары.

Какъ прежде, такъ и теперь, наиболѣе удобнымъ и дешевымъ средствомъ грузового сообщенія остается для Японіи море. Всѣ круп-

Японцы во время путешествія по Токкаидо.

Посадка риса.

завалась исключительно привознымъ желѣзомъ. Однако, съ открытіемъ рудниковъ, мѣстное желѣзо быстро вытѣснило иностранное.

Среди различныхъ отраслей обрабатывающей промышленности одною изъ наиболѣе старыхъ является шелководство.

Японскія шелковыя матеріи, благодаря своей дешевизнѣ, успѣшно конкурируютъ съ китайскими, хотя и уступаютъ послѣднимъ по добротности и качествамъ матеріала. Впрочемъ, нѣкоторые сорта, какъ напримѣръ, бархатъ и плюшь, выдѣлываются теперь лучше, чѣмъ въ Китаѣ. Больше всего производятъ шелковыхъ матерій провинція Фукуи въ средней части Ниппона, гдѣ уже въ 1894 году работало 12 съ половиной тысячъ веретенъ при томъ же, приблизительно количествѣ работницъ.

Въ 1898 году вывезено шелку на 17 съ половиной миллионъ рублей.

За шелковыми матеріями слѣдуютъ шерстяныя. Это производство возникло въ 1871 году, когда введена была машинная обработка пржи. Долгое время, однако, Японія не могла удовлетворять требованіямъ своего внутренняго рынка и еще въ 1888 году 31 мил. килограммовъ шерстяной пржи былъ ввезенъ изъ Англій. Однако, такой превосходный сбытъ радовалъ ланкаширскихъ фабрикантовъ не долго и теперь въ дѣлѣ обработки пржи Японія почти не зависитъ отъ Европы.

Мы боимся утомлять вниманіе читателей длинными рядами цифръ, иллюстрирующихъ совре-

Это былъ вопросъ времени и только времени Японскіе кустари и ремесленники хорошо усвоили новые приемы работы, преподаанные тѣмъ же промышленными націями, которые ввозили излишекъ своихъ фабрикатовъ; развѣдки и изслѣдованія, произведенныя въ всеоружіи европейской науки, не замедлили доказать, что „сырого матеріала“ вполне достаточно.

И цифра импорта неуклонно начала падать, сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе. Теперь уже нѣтъ надобности даже и въ машинахъ, такъ какъ самая сложная изъ нихъ удовлетворительно производится на мѣстѣ.

Число фабрикъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не такъ велико, какъ это можно было бы предполагать по размѣрамъ годовой производительности. Тамъ, гдѣ это было возможно, японцы постарались сохранить свой исконный и привычный кустарный способъ производства, ухитрившись приспособить его къ новымъ запросамъ.

Развѣръ заработка японскихъ рабочихъ чрезвычайно малъ, дохода, очень часто до прямо таки комичной, на шенъ взглядъ, цифры—10—15 коп. въ сутки. Женщины и дѣти зарабатываютъ и того меньше.

Многія отрасли труда, выполняемая у насъ почти исключительно женщинами, находятся въ Японіи въ нераздѣльномъ владѣніи мужчинъ. Напримѣръ, изящныя ширмы и экраны, которые такъ нравятся европейцамъ красотою рисунка и артистическимъ подборомъ тоновъ, вы-

бѣншіе города расположены, преимущественно, по берегамъ и обширный торговый флотъ успѣшно справляется со своей задачей. Въ 1898 году въ этомъ флотѣ насчитывалось 970 пароходовъ съ общей вместимостью въ 273.000 тоннъ (тонна—62 пуда).

Относительно сухопутныхъ сообщеній дѣло въ прежнее время обстоитъ плоховато, чему способствовалъ, конечно, гористый рельефъ страны. Изъ этихъ дорогъ слѣдуетъ отмѣтить двѣ: Накаседо и Токкаидо, соединившія столицу микадо Кіото со столицей сіюгуна—Иедо. Токкаидо была выстроена по приказу сіюгуна Іеясу и по этой-то, именно, дорогѣ ежегодно отправлялись къ своему повелителю подвластные даймёны.

Въ 1872 году была открыта для движенія первая желѣзнодорожная линія въ 25 верстъ длины, между Токио и его портомъ Йокотамой. Пять лѣтъ спустя открылась линія Кобе-Осака-Кіото, линія-же Токио-Кіото, идущая параллельно Токкаидо, была закончена только въ 1889 году.

Большинство линій принадлежитъ правительству и даетъ казнѣ болѣе 6% чистой прибыли, хотя грузовыя, въ противоположность европейскимъ дорогамъ, перевозятъ очень мало. Главнѣе движеніе—пассажирское.

Есть желѣзная дорога и на Формозѣ, но она выстроена еще во время китайскаго владычества.

Быстрое развитіе земледѣлія и, главное, промышленности принесло странѣ большіе доходы. Но громадную часть этихъ доходовъ поглотили вооруженія.

До эпохи реформ военную силу ищешь представляли самурай, вооруженные мечом, луками и стрелами, да иногда — плохими кремневыми ружьями. Теперь японская армия по вооружению и выравнана не уступает европейской.

Военный флот представлял собою прежде несколько жалких деревянных джонков, построенных по образцу голландских судов XVII столетия. О составе и численности современного флота наши читатели имеют уже определенное представление, благодаря ряду статей и заметок, касающихся этого вопроса.

Безпрерывные и чрезмерные расходы на флот и армию подрывали благосостояние народного масса.

И теперь, во время войны, до нас начинают доходить сведения о свирепствующем в Японии голоде.

Оправится ли когда-нибудь страна Восходящего Солнца от вызванного войной разорения — сказать теперь невозможно. Во всяком случае много и много из того, что было достигнуто упорным трудом последнего поколения — пойдет на смарку.

Н. С.—.

ской губернии на запад не вывозилось, живые бараны с степных киргизских ярмарок прогонялись до Самары на Волге. Скупщики баранов по мере развития этой торговли старались все глубже и глубже заходить в степь и стали добираться до Балхана и Семиречья; степная ярмарка возникла сначала только на западе, а потом стали появляться и на востоке. Кроме тайчакульской ярмарки, другая, такая же крупная, бывает в каркаралинском уезде, в урочище Куланды. Прикащики, отправляющиеся в степь для закупки баранов, за-

на юговосточной границе Монголии, неизвестно. На сферозападной окраине киргизской степи главная забойка производилась прежде в Петропавловск, Стерлитамак и Самару, но кроме того сотни мелких боен были устроены по всей линии от Петропавловска до Самары. Эта линия была такая же колоссальная бойня скота, как Буэнос-айресская в южной Америке.

Там же, где группировались бараньи боины, были устроены и салотопни. Главный интерес в торговле баранами для западного рынка заключался не в бараньем мясе, а в бараньем салте. Поэтому заводчики не тратили времени и труда на тщательное отделение мяса от сала; снимая с тушата барана шкуру, они кидали тушку с костями и мясом в салотопный котел; сало вытравливалось из тушкет, после чего тушка вынималась из котла и выбрасывалась в степь. Много жуткого было для человеческого чувства в этой „жировой операции“. Эти бараны, которые служат перевозочными средствами для доставления собственного сала из глубины степей на салотопные заводы, это сало, которое одно только составляет ценность в живом бараньем теле, сало, ради которого исключительно убивается столько миллионов баранов, все это должно ослабить человечность в постоянном наблюдателе этих картин.

Съ проведеніем желѣзной дороги и съ появленіем въ технических производствѣх суррогатомъ въ жировой операциі должны были произойти большія измѣненія. Они будутъ, конечно, выяснены экспедиціями статистическаго изслѣдованія обслуживаемыхъ желѣзною дорогою районовъ, которое съ нынѣшняго лѣта предпринимается коммерческою частью управленія сибирской желѣзной дороги. Но и теперь уже известно, что съ проведеніемъ дороги для сибирскаго мяса открылись болѣе западные рынки, чѣмъ пермская губернія. Количество вывозимаго мяса, истронно, сравнительно съ прошлымъ, увеличилось.

За послѣднее трехлѣтіе 1901—1903 года было погружено мяса на выдающихся по количеству его погрузки станціяхъ желѣзной дороги:

Въ 1901, 1902, 1903 г.
Тысячи пудовъ.

Мишкино . . .	114 149 134
Курганъ . . .	404 290 274
Микушино . . .	153 109 121
Петропавлов . . .	707 458 432
Омскъ . . .	249 89 106
Татарка . . .	103 37 35
Обь . . .	216 147 114

А по всей линіи отъ Челябинска до Оби было погружено мяса:

въ 1901 г. . .	2,587,000 п.
„ 1902 г. . .	1,653,000 п.
„ 1903 г. . .	1,708,000 п.

Г. П.

Удачная охота.

Рассказ.

Титулярному совѣтнику Залогину было не по себѣ.

Онъ уже нѣсколько часовъ бродилъ по тайгѣ, сбиваясь съ намѣченнаго направленія, возвращаясь иногда на то же мѣсто, откуда вышелъ, терялся въ бесплодныхъ догадкахъ и соображеніяхъ, и все таки, никакъ не могъ найти настоящей дороги.

Это было глупо, смѣшно и отчасти страшно, потому что день уже кончался и яркій солнечный дискъ спрятался за деревьями.

У Залогина болѣли ноги, охотничья куртка изорвалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а въ желудкѣ нило и отъ тоски, и отъ голода. Кроме того, ему было совѣстно, что товарищи поднимутъ его на смѣхъ, когда узнаютъ, что онъ пробралъ нѣсколько часовъ на положеніи Робинзона.

Всѣхъ компаньоновъ было шестеро, и всѣ они воспользовались двумя праздничными днями, чтобы съѣздить на охоту.

Камакуркой Будда.

возять съ собою въ степь пастуховъ изъ русскихъ крестьянъ, такъ называемыхъ баранниковъ, которые умѣютъ гнать барановъ такъ искусно, что животныя не только не топаютъ отъ дороги, но еще нагуливаютъ жиръ. На каждый гуртъ полагаются по три баранника; одинъ

Жировые ярмарки въ западной Сибири.

Сибирь поставила сырьемъ для запада. Восточная Сибирь отправляетъ на Западъ пушнину, кости мамонта и золота, а Западная — продукты земледѣлія и скотоводства, хлѣбъ, шкуру, шерсть, сало, масло и мясо. Вывозъ жировыхъ товаровъ и другихъ продуктовъ скотоводства почему-то вдругъ усилился въ половинѣ прошлаго столѣтія; въ это время по всему югу тобольской губерніи возникли многочисленныя жировыя ярмарки, среди которыхъ самыми выдающимися были Крестовская въ г. Шадринскѣ и Никольская зима въ г. Ишимѣ; оборотъ каждой достигалъ до 4 миллионовъ рублей. Въ тобольской губерніи за то же время, т. е. въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія было всего только двѣ ярмарки, но впоследствии и здѣсь число ярмарокъ умножилось.

Самую необычайную картину на этихъ жировыхъ ярмаркахъ представляють тѣ участки ярмарочной площади, которые отведены для продажи мяса. Тутъ длинные фаланги изъ тушъ рогатаго скота смѣняются не менѣе длинными фалангами свиныхъ или бараньихъ тушъ. У насъ нѣтъ подл руками фотографическаго снимка съ картинъ ишимской ярмарки, но нѣкоторое понятіе о подобныхъ картинахъ могутъ дать помѣщаемые нами фотографическіе снимки курганскаго фотографа г. Кочешова, сдѣланные имъ на рождественской ярмаркѣ въ городѣ Курганѣ.

„Начало жировой операциі“, говоритъ одна брошюра объ ишимской ярмаркѣ *, „дало неслать за предѣлами тобольской губерніи, на такъ называемой тайчакульской ярмаркѣ“, которая бываетъ въ іюль мѣсяцѣ къ югу отъ города Петропавловска. На эту ярмарку киргизы пригоняють десятки тысячъ крупнаго рогатаго скота и болѣе полумилліона барановъ. Эта ярмарка представляетъ своеобразную картину: на центральному пунктѣ своего склада мануфактурныхъ товаровъ; живой товаръ, т. е. скотъ, зашамать вокругъ этого центра огромную площадь почти въ сто верстъ въ поперечникѣ. Въ концѣ октября производится массовая забойка крупнаго зѣбъ скота; часть этого скота, — до ста тысячъ барановъ и до десяти тысячъ головъ крупнаго скота, — убивается на бойняхъ города Петропавловска, и мясо и сало отправляется на ишимскую ярмарку.

До проведенія сибирской желѣзной дороги мясо съ жировыхъ ярмарокъ тобольской губерніи шло только на уральскіе заводы и далѣе перма-

Мясная Рождественская ярмарка въ Курганѣ.

идеть впередъ гурта, два другихъ сади. Бараны идутъ въ своемъ обычномъ походномъ порядкѣ. Впереди гурта движется фронтъ передовыхъ барановъ, который имѣетъ видъ дуги, концы которой загнуты назадъ.

Остальная часть гурта бредетъ въ беспорядкѣ внутри этого полукольца передовиковъ. Въ теченіе лѣта по всей степи гнаются эти бараньи стада съ востока на западъ. Мѣстность, гдѣ беретъ начало этотъ бараній потокъ, находится къ востоку отъ озера Зайсана, около самыхъ вершинъ Чернаго Иртыша; къ востоку отсюда лежитъ хобдоскій округъ Монголіи; отсюда движеніе барановъ направляется уже на востокъ, и въ Монголіи та же картина, что и въ киргизской степи; и здѣсь въ теченіе лѣта одиѣ стада барановъ движутся за другими, только движутся онѣ тыломъ къ стадамъ киргизскихъ барановъ; и здѣсь также за баранами плетутся нѣсходо баранчики, только это не русскіе, а китайскіе крестьяне; какъ на западѣ путь барановъ чиряется въ окрину осѣдлаго населенія, въ города Петропавловск, Стерлитамакъ и Самару, такъ и здѣсь бараны доходятъ до западнаго Китая, до городовъ Гуйхуачена и Калана.

Гдѣ производится массовая забойка барановъ на сѣверной окраинѣ Китая или, иначе сказать,

* Ивановъ, Очеркъ ишимской ярмарки, Томъ 1895

Охота вообще пользовалась большим почетом и уважением в той канцелярии, где служил Залогинь. Различных охотничьих журналов получалось, в общей сложности, экземпляров двадцать; начальник отделе был председателем охотничьего общества, сам Залогинь — казначеем, а почти все остальные, не исключая престарелого архивариуса, такого же пыльного и желтого, как документы, которые он сберегал — действительными членами.

У начальника в кабинете висели великолпные начальные рога, а под ногами, у письменного стола, лежала медведья шкура — его побдные трофеи. У Залогина трофеев не было, так как он охотился, преимущественно, на мелкую дичь, которая не идет дальше обеденного стола. Вообще особенно удачным стрелком он не имель основания считаться, но, тем не менее, любил благородное охотничье искусство искренно и безорытно.

И когда сегодня, послз завтрака, его товарищи улеглись на заимкь спать, — Залогинь вознегодовать от всей души и заявил протест. — Это, господа, ни на что не похоже! Вы спятеся мы и дома успеем... Такая великолпная погода — и вдруг мы будем укутывать золотая минуты... Вы — как хотите, а я пойду.

Товарищи, вбродно, ибсколькко устыдились, но сматный завтрак подбйствовал на них слшшкомь сильно, чтобы они могли особенно близко прийти к сердцу горячую филиппику Залогина.

Обиженный казначей спснул собаку, но та, зараженная духом общен бездйательности, так основательно забила под крыльцо, что ее никак нельзя было вызвать. Тогда казначей окончательно обдйлся и ушел одинокой и мрачной, как Агасферт.

Кругомь займочных построек дбсокь был рденый и жидкий. Дальше пошли отдельные густые колки, а версты за дб начиналась уже настоящая, густая и дремучая тайга, в достаточной степени изобиловавшая дичью.

Вь обыкновенное время и вь обыкновенномь настроеннн духа Залогинь не добил заходить слшшкомь далеко, что бы не нарваться невзначай на медвдя или на какого-нибудь другого, стольже неприятного, дбсного обывателя. Если позди переставали слышаться голоса и перекликивания дружных охотников, он скромно отступал, предоставляя опасность риска тьм, кто меньше дорожил своимь здоровьем и своимь обезбеченнымь положениемь.

— Зайчики, куроточки... Это, вот, самое настоящее дб! — сообщал он сосуживцамь свои взгляды. — А для крупного звбра, знаестели, своя снаровка нужна. Каждый по своей части специалист. Кроме того, у меня и тблослжение слабее. Иной может сь голыми руками вь единоборство сь медвдемь вступит, а я куда же?

И сегодня когда Залогинь зашел, сторяча, вь тайгу, имь сь самого начала овладбл нбкоторая робость. О близости медвдя, правда, на заимкь ничего не слыхали, но вдь онь могь и безь особаго доклада внтись.

Хвойный лбст, мбстами перемежматный сь осинникомь, выглядбл как-то особенно пустынно. Даже птиц не было слышно и вь воздуху стоило только тихо, невнятное гудбне, которымь всегда отлнкается лбст даже на самый маленький вбтерок.

— Сдбляю одинь маленький кругь, — подумал казначей, — и вернусь опять кь олушкь.

Кругь онь сдблял, но кь олушкь ему не удалось вернуться такь скоро, какь онь хотбл. На серединь дороги его внимание привлкбл большущий, старый глухарь, тяжело вспорхнувший сь высокого кедра и сьвший опять сажень за тридцать вь сторону. Залогинь началь подходить на вбрный выстрбл, но непосбдн-

вый глухарь опять вспорхнул и опять опустился неподалеку. Такая исторя повторилась раза три, пока, наконец, Залогину не удалось выстрблить.

Раненный глухарь сь видимымь трудомь полетбл надь самой землей. Вь воздуху закружилась ибсколькко перья. Охотника обуял азарт и онь дробной рсыой пустил слбдомь за своей ускользавшей жертвой. По всей вбродности, глухарю пришлось бы фигурировать на столб титулярного советника вь качестве жаркого, если бы не помжшал паук, раскинувший на пути Залогина большую и замбчательно плотную паутину.

Залогинь ткнулся вспотвнмь лицомь прямо вь тенета и это вызвало ибкоторое замбчателство, которымь воспользовался глухарь для временнаго сохранения своего бременаго существования. Дичь улетбла, а охотник заблудился.

Когда онь постигь эту печальную истину, то совершенно растерялся. Сначала ему показалось, что нужно идти направо; потом онь внезапно пришесть кь противоположному заключению и поспбшил повернуть налево.

Собственно говоря, онь совершенно не знал, вь какомь направлении находится займка. Одно время ему казалось, что когда онь шел впе-

перекрестился, чтобы отратить оть себя дурное предназначение. Богь сь ними... сь зайцами... Еще медвдя наслшшь выстрбломь. И придется сь Михаиломь Ивановичемь вь единоборство вступать.

Часа через три бесплодной ходьбы у казначей начали подламываться ноги. Тогда онь съл подь деревомь на толстый, мягкий слой прошлдогидей хвои и грустно задумался.

Никогда еще не приходилось ему быть вь такомь скверномь и безнадомь положении. При одной мысли о возможности провести ночь вь дбсу, у него пробжжало холодь по спшбмь, а подь колбнами чувствовалось неприятное дрожание. Онь, наконец, и спать прямо на земль совбмь не умбл.

Казначей вспомнилсь уютный кабинет, мягкая постель, жена, дбто. Жена, вбродно, сидеть дома и не предблагает, вь какую дбду попать ее мужь. А онь, может быть, останется навсегда вь этой проклятой тайге и умереть гдб-нибудь подь кустикомь, голодный и безпритный. Для человека сь определеннымь общественнымь положениемь — и вдруг, такая позорная кончина.

Залогинь вынул изь кармана платокь и обтерь заплаканные глаза. Но слезы опять потекли и крупными росинками повисли на борбд.

Далеко, далеко какой-то звукь отозвался слабмь эхо. Не то выстрбл, не то просто упаль подгнивший ствол. Залогинь вдрогнул и всторожился.

Кто это выстрблил? Может быть, товарищи, а может быть... Мало ли какой народь шлетса по тайге? Разные бродяги, котелочники... Изь за полтинника человекь удашить готовь.

Ходить было страшно, но сидеть еще страшнб. При неподвижномь созерцаннн тишина дбса казалась болбе мрачной, безжизненной и, вмбстб сь тьмь, угрожающей. Подбдал, когда немного отдохнуть ноги, Залогинь встал и опять начал бродить по дбсу, каждую минуту то загараясь надеждой, то впадая вь самое мрачное уныние.

Солнце опускалось все ниже, а кь чувству тоски все опунительнбе присоединялся голодь. Во рту пересохло, ноги нестерпимо выли, поясница отнималась, а ружье казалось немощнбмь тяжелмь.

Ружье было хорошее, дорогое, но ибкоторое время Залогинь серьезно подумал — не бросить ли его? Очень ужь оно мбшало при ходьбе, вь соединенн сь патронатшемь и прочими охотничьими принадлежностями. Потомь благоразумь вьзял верхь.

— Хоть и дробовикь, а все таки защита... На близкомь расстоянии очень даже опасную рану нанести можеть.

Передь закатымь солнцемь у Залогина сдблялось ибчто вродь бреда. Мерещилсь то голодь, сосуживцев, то вкусный оббд. Одинь раз так опунительнн запаху телячьими котлетами сь горошкомь, что казначей невольно облизнулся.

Онь начиналсь все болбе и болбе приходить кь уббждению, что вь самомь непродолжительномь времени его постигнеть прискорный конець. Или медвдя задерет, или бродяга подстрблит, или, просто, голодь и жажда истощать послбдний силы.

Чувства понемногу притупились. Даже горячее желание вырватсь изь тайги на желанную опушку принимало форму какого-то безоснательнаго, инстинктивнаго стремления.

Николай Степняк.

(Продолжение будет).

Мясная Рождественская ярмарка вь Кургань.

редь, солнце прищекло ему спину, а потомь вдруг вспомнилось, что это самое солнце свбтло, какь будто, прямо вь глаза.

— По солнцу, говорят, дорогу можно находить... Чорта сь дя! — негодовал казначей. — Это, вбродно, одни дикари такой способностью обладають.

Потомь ему вспомнилсь еще одна примбта, вычитанная вь охотничьемь календарь: на сьверной сторонь у деревьевь мохь гуще растеть. Залогинь внимательно осмотрбл дьб-три сосны, даже пальцемь ихь поковырял, и вдругь сообразил, что и эта примбта тоже ни кь чему не приведет. Тогда онь впопрузь начал бродить вьзад и впередь, тревожно вьдрагивая и озирался при каждомь дбсномь шорохб.

Туть, совбмь близко, должна быть эта опушка. Воть, кажется, пройти десятка четыре шаговь по направлению кь тому сухому дереву сь расщепившейся, обугленной верхинкой, — идальше непроницаемая стбна угрюмыхь стволовь разорвется и покажется свбтлая, веселая полянка. Но сухое дерево оставалось позади, а полянки не было.

— Глупо... недбно... возмутительно! — бормотал Залогинь, искренно негодуя на свое собственное увлечение. — Вдь надо же было такое мальчишество устроить!

Сосуживцы — охотники, конечно, еще спяте и долго, — до самого вечера, пожалуй, — не обезпоятся исчезновениемь товарища. Подумают, что увлекся хорошимь выводкомь, да и только.

А ужь какой туть выводокь. Когда Залогину перекресть дороги перебжжал заиць, онь только

пересохло, ноги нестерпимо выли, поясница отнималась, а ружье казалось немощнбмь тяжелмь.

Ружье было хорошее, дорогое, но ибкоторое время Залогинь серьезно подумал — не бросить ли его? Очень ужь оно мбшало при ходьбе, вь соединенн сь патронатшемь и прочими охотничьими принадлежностями. Потомь благоразумь вьзял верхь.

— Хоть и дробовикь, а все таки защита... На близкомь расстоянии очень даже опасную рану нанести можеть.

Передь закатымь солнцемь у Залогина сдблялось ибчто вродь бреда. Мерещилсь то голодь, сосуживцев, то вкусный оббд. Одинь раз так опунительнн запаху телячьими котлетами сь горошкомь, что казначей невольно облизнулся.

Онь начиналсь все болбе и болбе приходить кь уббждению, что вь самомь непродолжительномь времени его постигнеть прискорный конець. Или медвдя задерет, или бродяга подстрблит, или, просто, голодь и жажда истощать послбдний силы.

Чувства понемногу притупились. Даже горячее желание вырватсь изь тайги на желанную опушку принимало форму какого-то безоснательнаго, инстинктивнаго стремления.